

СТИХИ ПОЭТОВ, ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ

В. Багрицкий,
Б. Смоленский,
И. Уткин
и другие

Василий А. Сульдин
СТИХИ ПОЭТОВ,
ПОГИБШИХ НА ВОЙНЕ
Серия «Хроника Победы (АСТ)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=71690773

Стихи поэтов, погибших на войне:

ISBN 978-5-17-173877-8

Аннотация

«Строки, рожденные в боях», «строки, оборванные пулей» – за этими расхожими выражениями, ставшими слишком привычными, стоят судьбы и трагедии многих людей. 22 июня 1941 года навсегда разделило миллионы судеб на «до» и «после». Но для авторов этой книги никакого «после» не было. Все они отдали жизнь за Победу, за Родину, за мир. И все они были поэтами, не по профессии – по духу. Их опаленные войной строки читали в окопах и блиндажах, печатали в газетах, перечитывали в полных нежности письмах. В этих строках, зачастую неумелых, наивных – истовость любви к Родине, неугасимое пламя мужества, ярость святой ненависти к врагу. Бесконечно трогательные, правдивые, искренние – их стихи не могут устареть, ведь ничто подлинное, настоящее, чистое не подвластно времени. Потому и сегодня они настолько

злободневны и понятны каждому, что только даты жизни их авторов напоминают, сколько им лет.

Содержание

От составителя	9
Владимир Аврущенко	11
Присяга	12
«Город легкой индустрии, и тюльпанов, и роз...»	14
Спят партизаны	16
«Горит огонь Великих Пятилетий...»	18
Григор Акопян	20
«Я видел боль и горечь отступленья...»	21
«Мама, я еще вернусь с войны...»	22
Предчувствие	23
Джек (Яков) Алтаузен	24
«Можешь землю до края пройти...»	25
Баллада о четырех братьях	27
Прощание	32
Родина смотрела на меня	35
Партбилет	37
Письмо от жены	38
Я пишу, дорогая, тебе	40
Хусен Андрухаев	43
«Я для врагов всегда найду...»	44
Ласточка	45
«... Сердце мое просит звонких песен...»	46

Александр Артёмов	47
Дорога отцов	48
Корабли уходят в море	50
Вячеслав Афанасьев	53
В поход	54
Всеволод Багрицкий	56
«Я приехал сюда...»	57
«Мне противно жить не раздеваясь...»	59
«Нам не жить как рабам...»	60
Баллада о дружбе	61
Ожидание	63
Встреча	65
«Над головой раскаленный свист...»	67
Константин Баёв	69
Ложка	70
Константин Бельхин	71
«Как будто с пашни, не спеша...»	72
Письма	73
Военным журналистам	74
«Оттого ли, что осыпалась калина...»	76
«Идем вдвоем на фронт путем-дорогой...»	78
Евгений Березницкий	79
За честь Родины	80
Борис Богатков	81
Из школьного дневника	82
Годен!	83

Наконец-то!	84
Перед наступлением	85
Возвращение	87
«У эшелона обнимемся...»	89
Девять ноль-ноль	90
Праздничный стол в блиндаже	93
Иван Бортников	95
Слово призывника	96
Городок мой	98
Константин Брянский	100
Бессмертие	101
Раненые письма	106
Иван Булкин	108
Мы смерть несем фашистам	110
На линию огня	111
Ответное письмо	112
Александр Бычков	113
Эта строка	114
Островок	116
Дмитрий Вакаров	118
«Я пришел поклониться народу...»	119
«Отдает уже гнилью могильною...»	120
Незванный гость	121
«В минуты ясного виденья...»	123
Чайка	124
Наш путь	125

Леонид Вилкомир	126
«Мы победим. Мои – слова...»	128
Павел (Пинхас) Винтман	129
«Война ворвалась в дом, как иногда окно...»	130
«Вчера был бой, и завтра будет бой...»	131
«Дорога торная, дорога фронтовая...»	132
Мирза (Реваз) Геловани	133
Простите	134
Михаил Гершензон	135
«Что случилось с небосводом? Никогда...»	136
Захар Городисский	138
Смять врага!	139
«Здесь все по-прежнему: смеющиеся лица.....»	140
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Стихи поэтов, погибших на войне

© В.А. Сульдин, составление, 2025

© ФГУП МИА «Россия сегодня»

© ООО «Издательство АСТ», 2025

От составителя

Строевые командиры и политработники, фронтовые газетчики и ополченцы, партизаны и рядовые солдаты, они с первых дней войны заняли свое место на линии огня и до конца с честью пронесли сквозь все испытания славное звание поэта. Авторы этой книги храбро защищали страну в годы Великой Отечественной войны. Они отдали самое дорогое, что у них было – свою жизнь, чтобы и впредь всходило свободное солнце над шестой частью мира, чтобы рабство и гибель не грозили нашему народу.

Именно поэтому стихи поэтов военного поколения навечно остались с нами, вошли в наше сознание как образец слияния гражданского подвига и творческого горения.

Обязательно внимательно читайте ушедших поэтов. Они с вами говорят от имени своего поколения, честно, самозабвенно любившего Отчизну, смело вставшие на ее защиту. Они сражались за Родину, за землю русскую, за нас с вами.

Николай Майоров, погибший в бою в феврале 1942 под Смоленском, от имени своего поколения заявил:

Пусть помнят те, которых мы не знаем:
Нам страх и подлость были не к лицу.
Мы пили жизнь до дна и умирали
За эту жизнь, не кланяясь свинцу.

Владимир Аврущенко

(1908–1941)

Родился в Ямполе. До Великой Отечественной войны опубликовано более сотни его стихотворений. В начале войны ушел добровольцем на фронт, работал корреспондентом в армейской газете «Боевой поход». Лейтенант. На Юго-Западном фронте был ранен, попал в плен и казнен фашистами (разорван танками) в сентябре 1941 года в Полтавской области.

Присяга

Советского Союза гражданин —
Я клятву нерушимую даю:
От волн каспийских до полярных льдин
Беречь большую родину мою...

На верность присягну СССР,
И голос сердца для врага — грозой.
Передо мной Чапаева пример
И подвиг героический Лазо.

Не сдав ни пяди дорогой земли,
Они дыханье отдали стране.
Их образы сияют нам вдали,
Их клятва раздается в тишине.

Германцев гонит легендарный Щорс,
Комбриг Котовский принимает бой,
И к Феликсу чекисты на допрос
Ведут шпионов полночью глухой...

Клянусь твоею памятью, Ильич,
Твоей, отчизна, клятвой боевой —
Я пронесу родных Советов клич
В стальном строю, в цепи передовой!

23.07.1941

«Город легкой индустрии, и тюльпанов, и роз...»

Город легкой индустрии, и тюльпанов, и роз,
Город песни и грусти, где я плакал и рос.

В том зеленом соседстве, под курчавой горой,
Протекло мое детство невозвратной порой.

Что приснилось тогда мне, что мне снится теперь...
Ветер хлопает ставней и баюкает дверь.

В доме шорох мышинный, лампы, чахленький куст,
И над швейной машиной материнская грусть.

Мать следила за ниткой. Строчки шли под иглой.
А за нашей калиткой мир шумел молодой.

И к нему – молодому – с новой песней в груди
Брат мой вышел из дому, чтоб назад не прийти.

.....

Красной конницы поступь, шедшей в ночь
на Ростов,
По мосту отдавалась вдоль соседних мостов.

Зелень к небу тянулась, и бойцы латыши
Про свободу и юность пели в южной тиши.

Пар стелился от речки вдоль плакучих раkit,
Перезвоны уздечек, переборы копыт...

Где веселые травы, что шумели в бою?
У крутой переправы я сегодня стою.

Мир по-прежнему дорог. Солнце, зелень, вода...
И кудрявый мой город выбегает сюда.

Так шуми же листвою, синий клен, на могиле.
Кровью вражеской, злою волю мы окропили.

Утро входит в багрянце, и цветет наша вера
Бирюзой гидростанций и трубой пионера,

Синим дымом машины, ясной волею класса
И стихами Тычины и Шевченка Тараса.

Так цвети ж, моя песня, звонкий труд и забава,
Как мой город любезный, голубая Полтава!

Вырастай же чудесней, честь отцов сберегая!
Тут кончается песня и приходит другая.

Спят партизаны

Ты рядом. Ты близко у кручи Нагорной,
И дом твой на площади старой соборной.
Давно ли тут ветры военные дули?
Давно ли тут жалобно прядали пули?
...И в долгие звоны у вышек соборных
Не стаи слетались вóронов черных.
Зеленым крылом задевая пролеты,
Тут каркали ночью и днем пулеметы...
...Здесь шли таращанцы дорогою дальней.
Закрыты ворота. Задвинуты ставни.
Молчат переулки, ворочаясь глуше
Средь пышных сугробов и снежных подушек.
А в небе, где выгнуты лунные скулы,
Меняются звездные караулы.
Им дорог покой этой ночи унылой,
И строже их стража над братской могилой,
Где старые клены стоят полукругом,
Где спят партизаны, обнявши друг друга,
Как будто умершие могут согреться...
Растут красноцветы из каждого сердца
И выются под снегом, огнем полыхая.
Так жизнь партизан полыхала лихая,
Клубилась метелью, ветрами дышала...

Но спят партизаны...

Им вечности мало!

«Горит огонь Великих Пятилетий...»

Горит огонь Великих Пятилетий.
А Ветер Времени, бунтуя и гремя,
Червонным знаком будущее метит,
И катит волны нашего огня.

То наша кровь поет не умолкая,
Шумя по всем артериям земным.
Мы, даже в крематории сгорая,
Каким-то грозным пламенем горим.

И в громе труб придет наш день вчерашний,
Трудолюбив, спокоен и жесток,
Когда мы строили сторожевые башни
С бойницами на запад и восток.

В легендах лет мы будем незабвенны.
На трупах наших умерших бойцов
Мы воздвигали мраморные стены
Своих высоких, солнечных дворцов.

День ото дня наш путь был неустанней,
От наших ног – дороги горячи.
Наш гордый прах скрепил фундамент зданий,
И кровью набухали кирпичи.

И мир восстал по-новому над сушей,
И над водой, где крепкий парус крут, —
Такой зеленый, радостный, певучий! —
Он льется в наши умершие уши,
И мертвым нам он отдает салют.

В тени знамен, нахохленных, как птицы,
Лежит боец, смежив свои глаза,
В которых, может быть, еще дымит
И чуть заметно движется гроза.

Он спит. И времени текут потоки.
И в напряженной снится тишине,
Что ты, мой друг, читаешь эти строки,
Как лучший дар, как память обо мне.

1934

Григор Акопян

(1920–1944)

Родился в селе неподалеку от Еревана, учился в пединституте. Служил в танковых войсках. 4 февраля 1944 года старший сержант, командир танка пал смертью храбрых в боях за освобождение города Шполы (Украина). В минуты передышки между боями писал матери и брату Симону письма, в них были стихи, которые и составили небольшую книгу, изданную потом в Ереване.

«Я видел боль и горечь отступленья...»

Я видел боль и горечь отступленья,
И кровь, и скорбь, и слезы на глазах,
И в пепел превращенные селенья,
И воронье в багровых небесах.

Я видел сучья виселиц и трупы
Убитых женщин, стариков, детей.
Я в ярости кусал сухие губы
И ненависть копил в душе своей.

Я в жарких схватках не боялся смерти,
Водой питался, ночевал в лесу.
Победы знамя сохранил я в сердце —
И над спасенным миром вознесу.

1941

«Мама, я еще вернусь с войны...»

Мама, я еще вернусь с войны,
Мы, родная, встретимся с тобою.
Я прижмусь средь мирной тишины,
Как дитя, к щеке твоей щекою.
К ласковым рукам твоим прижмусь
Жаркими, шершавыми губами.
Я в твоей душе развею грусть
Добрыми словами и делами.
Верь мне, мама: он придет, наш час,
Победим в войне святой и правой.
И одарит мир спасенный нас
И венцом немеркнущим, и славой.

Предчувствие

Паду однажды на полях войны,
Объяв чужую даль прощальным взглядом,
И никого с родимой стороны
Не будет в этот миг со мною рядом.
Лишь, может, ветры тучку принесут
С армянских гор или с долины милой.
По-матерински скорбную слезу
Она уронит над моей могилой.
Да птица светлой радости моей,
Моею окрыленная мечтою,
В родном Егварде посреди полей,
Мать утешая, будет петь весною.

*1944, действующая армия,
Черкасское направление.*

Джек (Яков) Алтаузен

(1907–1942)

Родился в Иркутской области. С середины 1920-х работал в «Комсомольской правде». До войны опубликовано 17 книг с его стихотворениями, поэмами и повестями в стихах. В начале войны был направлен в редакцию газеты 12-й армии Юго-Западного направления; первым из писателей награжден орденом Красного Знамени. Погиб в 1942 в районе Харькова, пробиваясь из окружения.

«Можешь землю до края пройти...»

Можешь землю до края пройти,
Можешь видеть луну над Манилой, —
Чище воздуха родины милой
Все равно на земле не найти.

Можешь ехать в Алжир и Бомбей,
Гнать стада по альпийскому лугу,
Все равно будешь рваться в Калугу,
Где когда-то кормил голубей.

За экватором на корабле,
Возле пальмы под Венесуэлой
Будешь бредить березкою белой,
Что растет на смоленской земле.

На ресницы слеза набежит,
Если вспомнить на дальней чужбине
О родимой ирбитской рябине,
Что от ветра стыдливо дрожит.

Может, молодость нас бережет,
Может, в бурях мы не огрубели,
Потому что у нас с колыбели
Чувство родины в сердце живет.

Мы его воспитали в себе,
Нас навеки оно породнило.
Люди с Темзы, Дуная и Нила
Слышат голос свой в нашей судьбе.

1940

Баллада о четырех братьях

Иосифу Уткину

Домой привез меня баркас,
Дудел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.

Сестра в изодранном платке
И мать, ослепшая от слез,
В моем походном котелке
Я ничего вам не привез.

Скажи мне, мать, который час,
Который день, который год?
Четыре брата было нас,
Кто уцелел от непогод?

Один любил мерцанье звезд,
Чудак — до самой седины.
Всю жизнь считал он, сколько верст
От Павлограда до луны.

А сосчитать и не сумел,
Не слышал, цифры бороздя,
Как мир за окнами шумел

И освежался от дождя.

Мы не жалели наших лбов.
Он мудрецом хотел прослыть.
Хотел в Калугу и Тамбов
Через Австралию проплыть.

На жеребцах со всех сторон
Неслись мы под гору, пыля;
Под головешками ворон
В садах ломились тополя.

Встань, Запорожье, сдуй золу!
Мы спали в яворах твоих.
Была привязана к седлу
Буханка хлеба на троих.

А он следил за пылью звезд,
Не слышал шторма и волны,
Всю жизнь считая, сколько верст
От Павлограда до луны.

Сквозной дымился небосклон —
Он версты множил на листе.
И, как ни множил, умер он
Всего на тысячной версте.

Второй мне брат был в детстве мил.
Не плачь, сестра, утешься, мать!

Когда-то я его учил
Из сабли искры высекать...

Он был пастух, он пас коров.
Потом пастуший рог разбил.
Стал юнкером, – из юнкеров
Я Лермонтова лишь любил.

За Чертороем и Десной
Я трижды падал с крутизны,
Чтоб брат качался под сосной
С лицом смертельной желтизны.

Нас годы сделали грубей,
Он захрипел, я сел в седло,
И ожерелье голубей
Над ним в лазури протекло.

А третий брат был рыбаком.
Любил он мирные слова.
Но загорелым кулаком
Мог зубы вышибить у льва.

В садах гнездились лишай.
Деревни гибли от огня.
Не счистив рыбьей чешуи,
Вскочил он ночью на коня.

Вскочил и прыгнул через Дон.

Кто носит шрамы и рубцы,
Того под стаями ворон
Выносят смело жеребцы.

Но под Варшавою в дыму
У шашки выгнулись края.
И в ноздри хлынула ему
Дурная теплая струя.

Домой привез меня баркас.
Гремел пастух в коровий рог.
Четыре брата было нас —
Один вхожу я на порог.

Вхожу в обмотках и в пыли
И мну буденовку в руке.
И загорелые легли
Четыре шрама на щеке.

Взлетают птицы с проводов.
Пять лет не слазил я с седла,
Чтобы республика садов
Еще пышнее расцвела.

За Ладогою, да Двиной
Я был без хлеба и воды,
Чтобы в республике родной
Набухли свежие плоды.

И если кликнут, я опять
С наганом встану у костра.
И обняла слепая мать,
И руку подала сестра.

1928

Прощание

Хорошо
на свете жить,
Пограничником
служить!
Мне к ногам твоим
не жалко
Кудри черные
сложить.

Расставанья час
настал.
Ветер в уши
засвистал.
Выпью воду
из колодца,
Чтобы голос
чище стал.

А вода там —
словно хмель.
А над нею
птичья трель.
На одной ноге
шагает
Прямо в небо

журавель.

Бродит ворон
у ворот,
На родном наречье
врет:
– Тот, кто любит,
тот голубит,
На прощанье
слезы льет.

Ты не верь ему,
вралю,
Часто говорят:
«люблю»
Те, которые
не знают,
Сколько верст
от «Л» до «Ю».

Разве стоит
горевать?
Посмотри:
родная мать
Вышла в новом полушалке
До заставы
проводить.
Ей слеза
ресниц не жгла.

Хороши
ее дела —
Сына ладного какого
Красной Армии дала.

Хлынул дождь
при свете дня,
В колокольчики
Звения...
Принесут письмо
без марки —
Это, значит, от меня.

1933

Родина смотрела на меня

Я в дом вошел, темнело за окном,
Скрипели ставни, ветром дверь раскрыло,
Дом был оставлен, пусто было в нем,
Но все о тех, кто жил здесь, говорило.

Валялся пестрый мусор на полу,
Мурлыкал кот на вспоротой подушке.
И разноцветной грудой в углу
Лежали мирно детские игрушки.

Там был верблюд и выкрашенный слон,
И два утенка с длинными носами,
И дед Мороз – весь запылится он,
И кукла с чуть раскрытыми глазами.

И даже пушка с пробкою в стволе,
Свисток, что воздух оглашает звонко,
А рядом в белой рамке на столе
Стояла фотография ребенка...

Ребенок был с кудряшками, как лен,
Из белой рамки здесь, со мною рядом,
В мое лицо смотрел пытливо он
Своим спокойным ясным взглядом...

А я стоял, молчание храня.
Скрипели ставни жалобно и тонко.
И родина смотрела на меня
Глазами белокурого ребенка.

Зажав сурово автомат в руке,
Упрямым шагом вышел я из дома
Туда, где мост взрывали на реке
И где снаряды ухали знакомо.

Я шел в атаку, твердо шел туда,
Где непрерывно выстрелы звучали,
Чтоб на земле фашисты никогда
С игрушками детей не разлучали.

1941

Партбилет

Под ясенем, где светлый луч бежал,
Боец, сраженный пулей в полдень ясный,
Сверкая каской, в полный рост лежал
Лицом на запад, мертвый, но прекрасный.

Как твердо стиснут был его кулак!
Рука его была так крепко сжата,
Что не могли ее разжать никак
Два белобрысых зверя, два солдата.

Они склонились в ярости над ним, —
Скоты таких упорных не любили, —
Кололи грудь ему штыком стальным
И кованым прикладом долго били...

Но все равно, сквозь злобный блеск штыка,
Как верный символ нашего ответа,
Тянулась к солнцу сжатая рука
С простреленным листочком партбилета.

Письмо от жены

Там, где яворы мирно дремали,
Тишиной и прохладой полны,
В незнакомом селе, на привале,
Получил я письмо от жены.

И прочел я, волненьем объятый,
Дорогие для сердца слова.
На конверте был адрес обратный
И отчетливый штемпель «Москва».

А потом незаметно я снова
Все письмо перечел в тишине,
Отзывалось в нем каждое слово
Самой нежной любовью ко мне.

Я читал, и росла моя сила,
Мне казалось, что вместе с женой
Тем же голосом мне говорила
Вся страна: «Будь здоров, мой родной!»

Обо всем мне жена написала
И в конце, вместо слов о любви
Вместо «крепко целую» стояло:
«Ты смотри, мой хороший, живи!»

Ну, а если от пули постылой...»
Тут шли точки неровной строкой,
И стояло: «Запомни, мой милый,
Есть бессмертие в смерти такой».

Буду жить, буду драться с врагами,
Кровь не даром во мне зажжена.
Наше счастье топтать сапогами
Мы с тобой не позволим, жена.

Над бойцами плыл дым от сигарок,
За деревней гремел еще бой,
И лежал у меня, как подарок,
На ладони конверт голубой.

Я глядел, а улыбка сияла,
И глаза были счастьем полны:
Это Родина мне написала
Чистым почерком верной жены.

1941

Я пишу, дорогая, тебе

Повезло нам сегодня с ночлегом —
Печка топится, лампа горит.
И подсолнух, засыпанный снегом,
Вдалеке на пригорке стоит.

Чай дымится, душистый и сладкий.
Отогрелись мы в теплой избе.
На листочке из синей тетрадки
Я пишу, дорогая, тебе.

Я пишу, а вокруг, дорогая,
Спят бойцы на шинелях своих,
Печка топится. Лампа, мигая,
Свет спокойный бросает на них.

Снова голос твой тихий я слышу —
Он навеки мне в сердце проник:
«Как же, милый, на холод ты вышел
И забыл застегнуть воротник?»

В светлой дружбе мы жили с тобою,
Как цветы полевые росли,
И над нашей чудесной судьбою
Вдруг топор занесли.

Ничего! Мы обрубим им руки,
Ничего! Стисни зубы сильнее,
Каждый миг нашей гордой разлуки
Враг оплатит нам кровью своей.

Если б только увидеть могла ты,
Как ползу я с гранатой в дыму...
Грозный счет мой открыт для расплаты,
Платят кровью враги по нему.

Не один я такой в нашей роте,
Каждый счет свой открыл именной...
И берем мы втройне при расчете
За семью, за разлуку с женой.

За страну, за сады, что шумели,
Кровью платят враги нам сполна.
Правда, волосы чуть поседели:
Что ж поделаться, на то и война!

Дорогая, горжусь я тобою,
Только вспомню – и сердцу тепло.
К нам в окопы вчера, после боя,
Много разных подарков пришло.

Пулеметчики варежки взяли...
И узнал я, мой друг, не таи,
Их у детской кроватки вязали
Руки родины, руки твои.

Зимний ветер в трубе завывает.
Спят бойцы – просыпаться им срок.
Печка топится, лампа мигает,
И дописан последний листок.

Я окреп для борьбы и для жизни,
И сплелось воедино во мне
Чувство родины, верность отчизне
С нежным чувством к любимой жене.

1942

Хусен Андрухаев

(1920–1941)

Родился в ауле Хакуринохабль в Адыгее. Окончил Сталинградское военно-политическое училище. 8 ноября 1941 года в ожесточенном оборонительном бою на окраине села Дьяково Антрацитовского района Ворошиловградской области немцы окружили его и несколько раз кричали: «Сдавайся, рус!». Когда закончились патроны, Хусен, адыг по национальности, крикнул: «Русские не сдаются!» и подорвал себя и окруживших его вражеских солдат связкой противотанковых гранат. О последних минутах поэта поведал один из плененных позже немцев, тогда же информация попала в газету. Фраза «Русские не сдаются!» понравилась Сталину, и он не один раз ее использовал. Указом Президиума Верховного Совета СССР в 1942 году младшему политруку 136-й стрелковой дивизии Х. Б. Андрухаеву посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

«Я для врагов всегда найду...»

Я для врагов всегда найду
Слова, разящие, как пули,
А для друзей я славлю труд,
Чтоб словом добрым помянули.

И я пою, чтоб никогда
Не ведали друзья печали
И эту песню в честь труда,
Как хлеб, они благословляли!

Ласточка

В синем небе качаясь,
Любит летать
Ласточка белогрудная —
Гостья весны.
Ты звонче и радостнее
Других птиц
Своими крыльями рассекаешь воздух.
Делая стремительные повороты.
Мне нравится
Плавность твоего полета.
В жаркий день
Ты низко летишь над головой и рекой
И, касаясь крылом ее поверхности,
Сливаешься с ней.
Твое пенье доставляет мне радость,
Тихая, мирная птичка,
Ласточка, любимая всеми!

«... Сердце мое просит звонких песен...»

...Сердце мое просит звонких песен
Радость не измерить, не унять!
В армию иду я, чтобы с честью
Родину, народ свой защищать.

Все друзья, родные провожают,
Весь аул у нашего двора,
Счастья мне они во всем желают —
Подошла желанная пора!

...Всем желаю, радуясь, волнуясь.
Весело трудиться, мирно жить.
Ведь за это с гордостью иду я
В армию Советскую служить!

Александр Артёмов

(1912–1942)

Родился в Подмосковье. После службы в армии остался во Владивостоке. Успел создать четыре книги поэм, баллад, сказов, стихов, в которых живут и дышат океанская ширь, приморская тайга, седые горы Сихотэ-Алиня, ледяные пустыни Севера. В 1940 году поступил в Литературный институт им. А.М. Горького. В июне 1941 ушел добровольцем на фронт. Погиб в боях за Родину в 1942 году.

Дорога отцов

Походным порядком идут корабли,
Встречая рассветные зори,
И круглые сутки несут патрули
Дозорную службу на море.
За мыс Поворотный до мыса Дежнев
На север идти нам в тумане.
Для наших судов быстроходных не нов
Охранный поход в океане.
Но в годы былые здесь шли наугад
Корветы в далекое плаванье,
Здесь, тихо качаясь, спускался фрегат
На дно Императорской гавани.
Здесь Лаптевы морем и берегом шли
На север, в просторы седые,
И в тундре для них маяками зажгли
Эвенки костры золотые.
Шли прадеды наши в белесом дыму
Меж северных льдов и утесов
И мерли, цинготные, по одному,
И море сбирало матросов.
И море доселе их прах бережет
В подводных вулканах, на лаве.
Сердца наши голос прадедовский жжет
Призывом к победе и славе.
Здесь Беринг великий в полуночной тьме

Покоится рядом с морями,
И ржавые ядра на низком холме
Недвижно лежат с якорями.
Шли наши отцы по высоким огням
Созвездий дорогою млечной,
Они оставляли моря эти нам
Во власть и наследство навечно.
И нашим судам по заливу одним
В походы идти на рассвете.
Путями отцов мы идем, и по ним
Суда поведут наши дети.
Летит за кормой одинокий баклан
И стаи проносятся чаек.
Идут корабли в голубой океан,
Зарю молодую встречая.
Мы знаем дорогу и ночью, и днем,
Наш компас проверен отцами.
Мы древним путем в океане идем —
Путем, завоеванным нами.

Корабли уходят в море

Едва приподнимутся флаги
Над ровною гладью залива
И дрогнут в зеленых глубинах
Прожорливых рыб плавники,
Над берегом белые чайки
Взвиваются стаей крикливой,
И, кончив последнюю вахту,
Мерцают вдали маяки.
Синеет высокое небо,
И солнце встает над водою.
Гонимые ветром проворным,
Туманы спускаются с круч.
Над городом в утреннем дыме
Пылает огромной звездой
В широких зеркальных витринах
Рассветный приветливый луч.
Мы снова на вахту выходим,
Плывем в голубое безбрежье,
В спокойное яркое утро,
В рассвет, что на море упал.
Мы видим, как по носу прямо
Дельфин заблудившийся режет
Спинным плавником заостренным
Ленивый шлифованный вал.
Мы в море уходим надолго,

И путь наш красив и завиден,
И мы ни о чем не жалеем,
И мы не грустим ни о ком.
И с нами прощается город,
Который мы снова увидим,
И машет нам берег весенний
Черемухи белым платком.
Свежеет погода, и ветер
В антенне назойливо свищет,
Туман наползает, и воем
У рифов тревожный ревун,
И чайки у берега кружат,
Садясь на пробитое днище
Кунгаса, что выброшен морем
На скалы в последний тайфун.
Но пусть поднимаются волны,
На палубу брызги роняя,
И ветер от края до края
Туман расстилагает седой,
Мы к вахтам тяжелым привыкли,
Мы ночью и днем охраняем
И нашу весеннюю землю,
И наши сады над водой,
И город, поднявший высоко
Багряные трубы заводов,
И узкие тихие бухты
С хребтами по трем сторонам,
И зелень полей урожайных,
И наши просторные воды,

И все, что зовется Отчиной,
Что близко и дорого нам.

1941

Вячеслав Афанасьев

(1903–1943)

Родился в Тамбове. Учился в городском двухклассном училище, затем в учительской семинарии. В 1923 отправился по комсомольской путевке на Дальний Восток. Работал и одновременно учился на Восточном факультете Дальневосточного университета. Тогда и начал писать стихи. Служил пограничником в Благовещенске. При жизни выпустил три сборника стихотворений. В 1941 ушел в народное ополчение. Попал в плен, бежал, воевал в партизанском отряде. Был тяжело ранен. Умер 11 сентября 1943 года в Смоленске.

В поход

От лазурных волн Дуная
До гряды норвежских гор
Размахнулась туча злая
Черных гитлеровских орд.

Размахнулась и на Киев
Напустила ястребов.
Вспомнил полчища Батыя
Пращур русских городов.

Вспомнил древний, но не дрогнул.
Под ударом, весь в дыму,
К новым подвигам готовый,
Кликнул матушку Москву.

По всему Союзу валом
Боевой взнялась волной
Всех сынов — больших и малых —
Рать стальная за Москвой.

От Камчатки до Кавказа,
С Дона, с Волги, с тихой Цны
Поднялися по Указу
Вольной Родины сыны.

Кто садится в танк железный,
Кто на быстрый самолет —
И потоком краснотелдным
Грозно двинулись в поход.

Здесь и ловкие джигиты,
Здесь и меткие стрелки.
Пусть отведают бандиты
Наши пули и клинки!

Пусть узнают, что такое
Наша армия в бою,
И под бурей огневою
Сломают голову свою!..

Июль 1941

Всеволод Багрицкий

(1922–1942)

Родился в Одессе. Отец – известный поэт, переводчик и драматург Эдуард Багрицкий. С начала войны стремился попасть на фронт, но по состоянию здоровья был освобожден от воинской службы. Добился назначения в армейскую газету «Отвага» Второй ударной армии Волховского фронта. Погиб 26 февраля 1942 года в маленькой деревушке Дубовик Ленинградской области.

«Я приехал сюда...»

Я приехал сюда
И, не скрою, плюю
На твои холода,
На старинную Каму твою.

Есть глухая тоска
В белоснежных полях
До озноба в виске,
До тумана в глазах.

Как я быстро привык
О друзьях забывать —
Спросят нас, кто погиб,
И начнешь бормотать.

Удилами исхлестаны губы,
Опрокинуты дни на дыбы.
Тех, кого мы любили, — на убыль!
Тех, кого схоронили, — забыть!

Самовар, словно маленький карлик,
Задыхался, мычал и укачивал.
Мы с тобой этот вечер украли
У голодных степей азиатчины.

01.11.1941

«Мне противно жить не раздеваясь...»

Мне противно жить не раздеваясь,
На гнилой соломе спать.
И, замерзшим нищим подавая,
Надоевший голод забывать.

Коченея, прятаться от ветра,
Вспоминать погибших имена,
Из дому не получать ответа,
Барахло на черный хлеб менять.

Дважды в день считать себя умершим,
Путать планы, числа и пути,
Ликовать, что жил на свете меньше
Двадцати.

Не позднее 06.12.1941, Чистополь

«Нам не жить как рабам...»

Нам не жить как рабам —
Мы родились в России,
В этом наша судьба,
Непокорность и сила.

Не позднее 23.12.1941

Баллада о дружбе

Был ты ранен в жестоком бою,
В жестокой сражен борьбе,
Твой друг разорвет рубаху свою,
Твой друг перевяжет рану свою,
Твой друг поможет тебе.
Был ранен в бою командир Абаков
Фашистской пулей шальной.
И ветер развеял гряды облаков,
И солнце качалось на гранях штыков...
Был ранен в бою командир Абаков.
На помощь к нему поспешил связной,
Товарищ и друг – Квашнин.
Он рану рубахой перевязал,
Потом ползком под откос.
Гудела земля, стучало в висках.
Сквозь дым и огонь в покойных руках
Он дружбу свою пронес.
Уже вдалеке сражения дым,
Пахнуло травой и ветром лесным,
Жаворонки поют:
«Возьми винтовку мою, побратим,
Возьми винтовку мою.
Возьми винтовку, мой друг и брат,
Без промаха бей по врагу...»
Быть может, они разглядели тогда

В предсмертный последний миг,
Как черными крыльями машет беда,
Как в черной крови пламенеет вода,
Как гибель настигла их.

Если ты ранен в суровом бою,
В жестокой сражен борьбе,
Твой друг разорвет рубаху свою,
Твой друг перевяжет рану твою,
Твой друг поможет тебе!

1941

Ожидание

Мы двое суток лежали в снегу.
Никто не сказал: «Замерз, не могу».
Видели мы – и вскипала кровь —
Немцы сидели у жарких костров.
Но, побеждая, надо уметь
Ждать негодуя, ждать и терпеть.
По черным деревьям всходил рассвет,
По черным деревьям спускалась мгла.
Но тихо лежи, раз приказа нет,
Минута боя еще не пришла.
Слышали (таял снег в кулаке)
Чужие слова на чужом языке.
Я знаю, что каждый в эти часы
Вспомнил все песни, которые знал,
Вспомнил о сыне, коль дома сын,
Звезды февральские пересчитал.
Ракета всплывает и сумрак рвет.
Теперь не жди, товарищ! Вперед!
Мы окружили их блиндажи,
Мы половину взяли живьем...
А ты, ефрейтор, куда бежишь?!
Пуля догонит сердце твое.
Кончился бой. Теперь отдохнуть,
Ответить на письма... И снова в путь!

Встреча

Был глух и печален простой рассказ
(Мы в горе многое познаем)
Про смерть, что черной грозой пронеслась
Над тихой деревней ее.

...Немало дорог нам пришлось пройти,
Мы поняли цену войне.
Кто, встретив женщину на пути,
О милой не вспомнит жене?

...Она стояла, к стене прислонясь,
В промерзших худых башмаках.
Большими глазами смотрел на нас
Сын на ее руках.

«Германец хату мою поджег.
С сынишкой загнал в окоп.
Никто на улицу выйти не мог:
Появишься – пуля в лоб.

Пять месяцев солнца не видели мы.
И только ночью, ползком,
Из липкой копоти, грязи и тьмы
Мы выбирались тайком.

Пусть знает сын мой, пусть видит сам,
Что этот разбитый дом,
Студеные звезды, луну, леса
Родиной мы зовем!

Я верила – вы придете назад.
Я верила, я ждала...»
И медленно навернулась слеза,
По бледной щеке потекла...

Над трупами немцев кружит воронье.
На запад лежит наш путь.
О женщине этой, о сыне ее,
Товарищ мой, не забудь!

1942

«Над головой раскаленный свист...»

Над головой раскаленный свист,
По мягкому снегу ползет связист.
Хрипнул и замолчал телефон.
Сжала трубку ладонь.
Артиллерийский дивизион
Не может вести огонь.
Замолкли тяжелые батареи.
В путь уходит связист Андреев.
Над головой раскаленный свист —
Не приподнять головы.
По мягкому снегу ползет связист
Через овраги и рвы.
Тонкою черной полосой
Провод ведет связист за собой.
Дорог каждый потерянный час,
Каждые пять минут.
И дважды прострелен противогаз,
И воздух шрапнели рвут.
Но вот на краю глухого обрыва
Андреев находит место обрыва,
Замерзшие пальцы скрепляют медь.
А солнце бредет на запад,
И медленно начинается темнеть,
И можно идти назад.

1942, фронт

Константин Баёв

(1916–1943)

Из семьи рыбака. Работал сельским корреспондентом мурманских газет. В 1941 году ушел на фронт добровольцем, воевал в составе 1070-го стрелкового полка 313-й стрелковой дивизии на Карельском фронте. Погиб на льду Онежского озера, возвращаясь из разведки.

Ложка

Провожая в путь-дорожку,
Мать вложила в сумку мне:
– Вот, возьми, сыночек, ложку,
Пригодится на войне...

Сбоку звезды, в центре птичка,
Лаком крытые края.
Сразу видно, что вещичка —
Раскрасавица моя.

В ней вкусна любая каша
И с огня солдатский борщ.
Эх, догадлива мамаша!
Знала: губ не обожжешь.

Много мне встречалось ложек
Всех фасонов и мастей.
Только эта – всех дороже,
Память матери моей.

Константин Бельхин

(1912–1943)

Родился под Казанью. До войны работал спецкором газеты «Полярная правда», с первых дней Великой Отечественной – в армейской газете «Часовой Севера», затем в «Красной звезде». Погиб 20 августа 1943 года в командировке при налете немецкой авиации. Похоронен в Курской области.

«Как будто с пашни, не спеша...»

Как будто с пашни, не спеша,
По склону гор, к реке
Идет боец. Усталый шаг,
Повязка на руке.
На камень сел, достал кисет:
– Уважь, земляк, скрути.
С одной руки – привычки нет,
Не покурил в пути.
В бою сегодня на заре
Немного оплошал.
Меня, конечно, в лазарет,
Да я не улежал.
Тоска взяла – терпенья нет,
Лежать обидно мне,
Когда война на целый свет,
Когда земля в огне.
Иду к товарищам, к друзьям.
Не ликовать врагу!
Коль мне штыком владеть нельзя —
Так пулей помогу...

Ноябрь 1941

Письма

Они приходят и сюда, на край земли,
Где сказочным сияньем небо щедро,
Где ночь без края, где снега и ветры
Надолго все дороги замели.

Они приходят, дорогие письма,
Из дальних сел, из дальних городов,
Где жили, где росли, где родились мы,
Где каждый встречный нас обнять готов.

Мы верили, что письма вновь придут
С знакомою печатью на конверте.
Мы знали: каждый дом наш – наш редут.
И каждая семья – сильнее смерти.

1942

Военным журналистам

По тропам лесным, по глыбам скалистым
Идем по фронту во все концы
Мы, военные журналисты,
Обыкновенные бойцы.

Привычен огонь, и мороз привычен,
В грохоте – пишем, спим – в снегу.
А если атака – штык привинчен,
Граната выхвачена на бегу.

Рвемся, бурю чувств побеждая,
К ясному слову вновь и вновь.
Жгучую ненависть словом рожаем,
Словом, рожаем большую любовь.

Когда из пепла, руин, пожарищ
Опять города взметнутся ввысь,
Не раз услышим: «А помнишь, товарищ,
На Севере вместе с тобою дрались?»

И мы поймем, ощутим вдвойне
В голосе времени, в голосе дружбы,
Что нам в Отечественной войне
Острейшее было дано оружие.

Февраль 1942

«Оттого ли, что осыпалась калина...»

Посвящается жене

Оттого ли, что осыпалась калина,
Изошла истомою медовой,
Иль от громкой этой муки соловьиной
Переполнился печалью взор твой вдовий?
...Осыпалась белая калина,
Умирала под колесами орудий.
Словно свадьбу злую пировали
Ненавистью вздыбленные люди.
Плакали. Ругались. Умирали.
Не простясь с умершими, живые
Шли в закат, залитый теплой кровью.
Не тогда ль ты слышала впервые
В соловьиной песне муку вдовью,
Убаюкав маленького сына?
Наливалась горькая калина...
Хорошо, что жен своих в печали
Никогда нам не дано увидеть.
Им, как дом, любовь мы поручали,
Уходя всем сердцем ненавидеть.
Все пути для нас на белом свете
В радость встречи —
Или в темень смерти.

Июнь 1943, за неделю до гибели

«Идем вдвоем на фронт путем-дорогой...»

Идем вдвоем на фронт путем-дорогой,
усталые, мы месим талый снег.
А по краям осевшие сугробы
напоминают о весне.

Апрельского, невыцветшего неба
над нами голубая глубина.
И кажется, она могла вполне бы
залить всю землю... Впереди война.

1943

Евгений Березницкий

(1909–1941)

Сын киевского врача. В 1911 году семья переехала в Сибирь. В 1928 после окончания школы в Томске уехал сначала в Новосибирск, потом в Кузбасс, где работал строителем на возведении металлургического комбината. В 1929–1930 гг. работал в геологоразведочной партии Приполярной экспедиции. Некоторое время учился в Томском геологоразведочном техникуме, но в связи с тяжелой болезнью матери вынужден был оставить учебу.

С 1929 года печатался в новосибирских молодежных газетах и журнале «Сибирские огни», был сотрудником газет «Борьба за уголь» (Анжеро-Судженск, 1933), «Большевистский натиск» (Новосибирск, 1934), публиковался в газете «Советская Сибирь», «Кузбасс» (1935–1939). С 1935 и вплоть до войны – литсотрудник газет «Советская Сибирь» и «Кузбасс». Собирал и переводил фольклор коренных жителей Горного Алтая.

После начала войны одним из первых литераторов Сибири добровольцем пошел на фронт.

Погиб в первых числах октября 1941 года в боях на Ельнинском направлении.

За честь Родины

За каждый колос, опавший
С твоих, Отчизна, полей;
За каждый волос, упавший
С головок наших детей;

За стон от боли жестокой,
Слетающий с братских губ,
Отплатим мы око за око,
Отплатим мы зуб за зуб.

Не быть рабыней Отчизне,
И нам рабами не жить!
За счастье свободной жизни
Не жалко голов сложить!

Отсюда наше бесстрашие
Начало свое берет.
Священна ненависть наша,
Расплаты большой черед!

Нет краше, страна родная,
Счастья тебе служить,
Идем мы, смерть презирая,
Не умирать, а жить!

Борис Богатков

(1922–1943)

Родился в Ачинске (Красноярский край). В 1938 году за поэму «Дума о Красном флаге» получил грамоту на Всесоюзном смотре детского литературного творчества. В начале Великой Отечественной войны ушел добровольцем на фронт, осенью, получив тяжелую контузию, был демобилизован. В 1942, несмотря на запрет медиков, ушел на фронт в 22-ю Сибирскую добровольческую дивизию, служил командиром взвода автоматчиков в звании старшего сержанта. В августе 1943 года погиб в районе Смоленск – Ельня.

Из школьного дневника

С завистью большой и затаенной
На отца смотрел я потому,
Что наган тяжелый, вороненый
Партия доверила ему.
Вечерами синими при лампе
Он рассказывал, как их отряд
Атакующей кулацкой банде
Указал штыками путь назад...
Как партийцы шли вперед бесстрашно
Сквозь свинец и ветер, а потом
Зло скрестили в схватке рукопашной
Взгляд со взглядом, штык с чужим штыком.
Встану я, решительный и зоркий,
На родных советских рубежах
С кимовским значком на гимнастерке,
С верною винтовкою в руках.

Годен!

Все с утра идет чередой обычной.
Будничный осенний день столичный —
Славный день упорного труда.
Мчат троллейбусы, гремят трамваи,
Зов гудков доносится с окраин.
Торопливы толпы, как всегда.

Но сегодня и проходим в лица,
И на здания родной столицы
С чувствами особыми гляжу,
А бойцов дарю улыбкой братской —

Я последний раз в одежде штатской
Под военным небом прохожу!..

1941, Москва

Наконец-то!

Новый чемодан длиной в полметра,
Кружка, ложка, ножик, котелок...
Я заранее припас все это,
Чтоб явиться по повестке в срок.

Как я ждал ее! И наконец-то
Вот она, желанная, в руках!..
...Пролетело, отшумело детство
В школах, в пионерских лагерях.

Молодость девичьими руками
Обнимала и ласкала нас,
Молодость холодными штыками
Засверкала на фронтах сейчас.

Молодость за все родное биться
Повела ребят в огонь и дым,
И спешу я присоединиться
К возмужавшим сверстникам своим!

1941

Перед наступлением

Метров двести – совсем немного —
Отделяют от нас лесок.
Кажется, велика ль дорога?
Лишь один небольшой бросок.

Только знает наша охрана —
Дорога не так близка.
Перед нами – «ничья» поляна,
А враги – у того леска.

В нем таятся фашистские дзоты,
Жестким снегом их занесло.
Вороненные пулеметы
В нашу сторону смотрят зло.

Магазины свинцом набиты,
Часовой не смыкает глаз.
Страх тая, стерегут бандиты
Степь, захваченную у нас.

За врагами я, парень русский,
Наблюдаю, гневно дыша.
Палец твердо лежит на спуске
Безотказного ППШа.

Впереди – города пустые,
Нераспаханные поля.
Тяжко знать, что моя Россия
От того леска не моя...

Посмотрю на друзей гвардейцев:
Брови сдвинули, помрачнев, —
Как и мне, им сжимает сердце
Справедливый, священный гнев.

Поклялись мы, что встанем снова
На родимые рубежи!
И в минуты битвы суровой
Нас, гвардейцев, не устрашит

Ливень пуль, сносящий пилотки,
И оживший немецкий дзот...
Только бы прозвучал короткий,
Долгожданный приказ: «Вперед!»

1942

Возвращение

Два шага от стены к окну,
Немного больше в длину —
Ставшая привычной уже
Комнатка на втором этаже.
В нее ты совсем недавно вошел,
Поставил в угол костыль,
Походный мешок опустил на стол,
Смахнул с подоконника пыль
И присел, растворив окно.
Открылся тебе забытый давно
Мир: вверху – голубой простор,
Ниже – зеленый двор,
Поодаль, где огород,
Черемухи куст цветет...
И вспомнил ты вид из другого жилья:
Разбитые блиндажи,
Задымленные поля
Срезанной пулями ржи.
Плохую погоду – солнечный день,
Когда, бросая густую тень,
Хищный «юнкерс» кружил:
Черный крест на белом кресте,
Свастика на хвосте.
«Юнкерс» камнем стремился вниз
И выходил в пике.

Авиабомб пронзительный визг,
Грохот невдалеке;
Вспомнил ты осязаемый щекой
Холод земли сырой,
Соседа, закрывшего голой рукой
Голову в каске стальной,
Пота и пороха крепкий запах...
Вспомнил ты, как, небо закрыв,
Бесформенным зверем на огненных лапах
Вздыбился с ревом взрыв.
...Хорошо познав на войне,
Как срок разлуки тяжел,
Ты из госпиталя к жене
Все-таки не пришел.
И вот ожидаешь ты встречи с ней
В комнатке на этаже втором,
О судьбе и беде своей
Честно сказав письмом.
Ты так поступил, хоть уверен в том,
Что ваша любовь сильна,
Что в комнатку на этаже втором
С улыбкой войдет жена,
И руки, исполненные теплом,
Протянет к тебе она.

«У эшелона обнимемся...»

У эшелона обнимемся.
Искренняя и большая
Солнечные глаза твои
Вдруг затуманит грусть.
До ногтей любимые,
Знакомые руки сжимая,
Повторю на прощанье:
– Милая, я вернусь.
Я должен вернуться, но если...
Если случится такое,
Что не видать мне больше
Суровой родной страны, —
Одна к тебе просьба, подруга:
Сердце свое простое
Отдай ты честному парню,
Вернувшемуся с войны.

30.12.1942

Девять ноль-ноль

Война сурова и не проста.
Умри, не оставляя поста,
Если приказ таков.
За ночь морской пехоты отряд
Десять раз отшвырнул назад
Озверелых врагов.
Не жизнью – патронами дорожа,
Гибли защитники рубежа
От пуль, от осколков мин.
Смолкли винтовки... И наконец
В бою остались: один боец
И пулемет один.
В атаку поднялся очередной
Рассвет. Сразился с ночной мглой.
И отступила мгла.
Тишина грозовая. Вдруг
Морьяк слышал негромкий стук.
Недвижны тела,
Но застыла над грудой тел
Рука. Не пот на коже блестел —
Мерцали капли росы.
Мичмана – бравого моряка —
Мертвая скрюченная рука.
На ней живые часы.
Мичман часа четыре назад

На светящийся циферблат
Глянул в последний раз,
И прохрипел, пересилив боль:
– Ребята, до девяти ноль-ноль
Держаться. Таков приказ... —
Ребята молчат. Ребята лежат.
Они не оставили рубежа.
Напоминая срок
Последнему воину своему,
Мичман часы протянул ему:
«Не подведи, браток!»
Дисков достаточно. С ревом идет,
Блеск штыков выставляя вперед,
Атакующий вал.
Глянул моряк на часы: восьмой...
И пылающей щекой
К автомату припал.
Еще атаку моряк отбил.
Незаметно пробравшись в тыл,
Ползет фашистский солдат.
В щучьих глазах – злоба и страх.
Гранаты в руках, гранаты в зубах,
За поясом пара гранат.
В автоматчика все пять штук
Он швыряет, и тогда... Но вдруг,
Словно землею рожден,
Вырос русский моряк,
Большой,
С окровавленной рукой.

Быстро зубами он
С последней гранаты сорвал кольцо,
Дерзко крикнул врагу в лицо:
– Ну, гад! Взлетим, что ль,
За компанию до облаков? —
От взрыва застыли стрелки часов
На девяти ноль-ноль...

Праздничный стол в блиндаже

До артподготовки осталось немного:

тринадцать минут всего.

Комроты промолвил спокойно и строго,

связного позвав своего:

– Сигнал для атаки, запомни, ефрейтор,

зеленой ракетой подам.

С инструкцией этой быстрее, чем ветер,

лети у меня по взводам!..

И сгинул ефрейтор, что ветер во поле,

комроты ж провел по усам:

– А ну, ординарец, расщедрился б, что ли,

да выдал горючего нам!

Садись, замполит, нам с тобой не впервые

готовить для боя ребят.

Недаром у нас на груди золотые

нашивки ранений горят!..

Друзьями усталыми окруженный

(ох, тяжкая эта война!),

комроты садится на ящик патронный

и всем наливает вина.

И, встав, головою касаясь наката, —

известен сибирский наш рост! —

он молвит негромко: «Подыдем, ребята,
за милую Родину тост!...»
И сблизилась, звякнув, помятые кружки,
зеленые кружки, и вдруг
взревели за лесом гневные пушки,
земля задрожала вокруг...

Март 1943, Калининский фронт

Иван Бортников

(1908–1942)

Родился в Казахстане, кишлак Челкар. После окончания школы работал помощником машиниста паровоза. С начала 1930-х жил в Оренбурге, работал в редакции газеты Оренбургской железной дороги «Большевистской сигнал», печатался в местной периодике. В 1941 ушел добровольцем на фронт. Погиб в бою.

Слово призывника

Мы с радостью вперед смотрели,
Мы знали – это впереди,
Мы быть похожими хотели
На вас, товарищ командир.
Нас всех призвал великий класс,
И, начиная с карантина,
Товарищи, учите нас
Красноармейской дисциплине.
Чтоб мышцы крепили на руках,
Крутую нам зарядку дайте,
На лестницах, на турниках,
В нас мощь и ловкость воспитайте!
Узнайте всех нас до конца,
По суткам бодрствовать велите,
И мышцы наши и сердца
В походах знойных закалите!
Натренируйте нас в стрельбе,
Чтоб пули не давали промах,
Чтоб мы осилили в борьбе
Любой удар свинца и грома.
И если враг пойдет на нас —
Короткий дайте нам приказ.
Мы соберемся по тревоге,
Мы развернемся по дороге,
Перед собой на скатах горных

Умело выставим дозорных.
Забыв про дом, про сон, про отдых,
Смотря вперед с крутых вершин,
Мы сотни дерзких переходов
Врагу навстречу совершим!

Городок мой

...Деповской еще молчит гудок,
Говорят и курят старожилы,
Дремлет мой далекий городок,
Здравствуй, крошечный!
Я твой поныне,
Принимай армейский мой почет...
Знойный воздух горкнет от полыни,
Солнце казахстанское печет.
Вот в депо в ремонт идут машины,
К месту подгоняют каждый болт.
Из ворот летит и нарастает
Звонкий крик и дружный шум работ.
Городок мой! Ты растешь, не скрою:
Сквозь твои бесплодные пески
И сквозь сланцы пробивались с кровью
Молодые дерзкие ростки.
Новые дома – как на параде,
Гроздь ламп качаются в ночи,
Льнут кусты акации к ограде,
Темные шумят карагачи.
Говор, смех и песни на скамейках,
Дружно отдыхает городок,
Деповские парни в тюбетейках
Девушек берут под локоток.
А меня с друзьями медным гулом

Сигналист к винтовке позовет:

«Шагом марш!»

И вместе с караулом

Желтый вечер выйдет на развод.

Подтянувшись, чтоб не продувало,

Строгий и внимательный теперь,

Я пройду вдоль низкого дувала,

Вслушиваясь, вспомню о тебе.

Городок мой! на твоём наречьи

Лучший стих мой как привет прими.

Дням неунывающим навстречу

Песней комсомольской загреми.

Увлекайся, одержим заботой,

Первомайским солнцем полыхай,

Молодежь, расти, шуми, работай,

Веселись, влюбляйся и вздыхай!

У границы здесь, в шакальем вое,

Я с поста назад не поверну,

Нужно будет – бой приму как воин

За тебя, за солнце, за страну!

Константин Брянский

(1910–1943)

Родился в селе Ключи (Бурятия). Рано осиротев, вынужден был работать, чтобы помогать своим многочисленным братьям и сестрам. Самостоятельно овладел грамотой. В 1925 году вступил в комсомол. После окончания журналистских курсов был редактором газет «Красный Баунт» и «Бурят-Монгольский комсомолец». На фронт ушел добровольцем. В 1943 в боях был тяжело ранен и скончался в госпитале. Его стихи вошли в сборники «Слава Родине» (1942) и «Бессмертие» (1944).

Бессмертие

Январский день! на хрупких лапках елки
Никем не тронут сказочный наряд.
Деревья спят. Упрямые иголки
Навстречу ветру выстроились в ряд.

Январский день. Снега в полях уснули,
И лес утих – он дремлет, не дыша,
И верным часовым стоит на карауле
Высоко в небе бледно-желтый шар.

Так воздух свеж, а купол неба синий!
В наряд парчовый каждый день одет.
Под белую фатой земля немая стынет,
И все спокойно, сказочно везде.

Сегодня тишь. Вчера был день суровый:
Вздымался шквалом волн людских прибой.
Рвались снаряды, лес стонал сосновый —
С утра до ночи длился жаркий бой.

Цеплялся враг за кочки, за лощины;
От взрывов мин чернел и таял снег.
И сталь сердец, и сталь брони машинной
Крепчали в жарком боевом огне.

Там, под сосной, у белого кургана,
Геройски пал безусый политрук,
Но, умирая от смертельной раны,
Винтовку он не выпустил из рук.

Враг озверел. Враг слал свинцовый ливень,
Он удержать рубеж решил любой ценой.
Не раз бойцы в атаку выходили
И в снег ложились – памятен тот бой.

– Товарищ политрук, вон там курганчик белый,
Оттуда бьет фашистский пулемет.
Пошлите группу... Подберите смелых... —
Сказал комбат. – Ну, кто от нас пойдет?

– Я сам пойду. Я выполню задачу,
Товарищ капитан, я очень вас прошу...
– Ну что же, хорошо! Желаю вам удачи... —
И фразу оборвал летящей мины шум.

И он пополз, а снег такой упрямый,
Фашисты бьют – нельзя поднять лица.
Под снегом спрятались колдобины и ямы —
Тяжелый путь, и нет ему конца.

Тот снежный путь шагами не измерить:
Его пройти лишь может только тот,
Кто в трудный час умел в победу верить,
В чьих жилах кровь горячая течет.

Вперед! Вперед! Своей не жалко жизни —
За жизнь друзей, за тишину полей,
За дело партии, за юность, за Отчизну, —
Вперед, товарищ политрук, смелей!..

Враг отступил, за ним прошел по следу
Железной поступью гвардейцев батальон...
Пел зимний ветер песни о победе,
О славе русских боевых знамен.

И только там, под старою сосною,
Не стихли песни знойного свинца:
В звериной ярости, любой ценою
Фашисты взять решили храбреца.

С минутой каждою кольцо врагов сжималось,
Но мускул ни один не дрогнул у него.
И уж в предсмертных судорогах вокруг кургана
Врагов немало полегло.

Держись, родной, держись еще немного,
Стреляй без промаха, патроны береги...
Друзья спешат, они тебе помогут;
Прислушайся – в снегу звенят шаги.

Но только поздно помощь подоспела...
Прощай, страна, окончен жизни путь,
Навылет вражья пуля пролетела,

Горячей кровью обогрила грудь.

По капле падали бесценные рубины
Сквозь рыхлый снег на грудь земли родной...
Здесь расцветут цветы в счастливую годину
Под ярким солнцем светлую весной.

И улыбнется лес улыбкой мая.
И не забудут люди этот день —
Придут почтить героя память
Колхозники соседних деревень.

Они венки возложат на могилу,
О днях грозových песни пропоют...
Мир праху твоему, товарищ милый,
Ты славу заслужил, ты храбро пал в бою.

В ночь выпал снег, на хрупких лапках елки
Никем не тронут сказочный наряд,
Деревья спят, упрямые иголки
Навстречу ветру выстроились в ряд.

Ушли на запад грозные дружины.
Они храбры, у них победа — цель.
Они в лесах, на кручах и в равнинах
Увидят страшную свинцовую метель.

И кровь прольется чистая, святая,
Но за погибших грозной будет месть...

И день придет – от края и до края
Страна родная снова будет цвести!

1942

Раненые письма

В маленьких конвертах белые листочки,
А в листочки вложены радость и тоска.
Хорошо знакомые бисерные строчки —
Их вписала бережно милая рука.

Положил конверты дорогою ношей
Близко-близко к сердцу ротный почтальон.
И пошел по полю, по кудрявой роще,
Где сражался храбро с немцем батальон.

Только на дороге, не дойдя до леса,
Письмоносец смелый на траву упал:
Вражеская пуля злобно просвистела,
И убит был парень пулей наповал.

И пробила пуля белые конверты,
Но их взял товарищ и отнес в окоп.
Раненые письма раненым читали,
И от писем было на душе легко.

В маленьких конвертах белые листочки,
А в листочки вложены радость и тоска...
Сквозь свинцовый ливень бисерные строчки
Донесла до сердца смелая рука.

Иван Булкин

(1912–1943)

Родился 11 июля 1912 года в селе Шилан Самарской губернии (ныне Самарской области). В 1927 году в селе Большая Раковка окончил школу. После окончания школы вместе со своей семьей переехал в Самару. В 1929 году устроился учеником слесаря на завод им. А. А. Масленникова и параллельно учился в Механическом техникуме по специальности «техник холодной обработки металлов». В 1933 году окончил его, к этому времени на заводе стал помощником начальника цеха № 3. В 1937–1939 гг. заведовал отделом Куйбышевского горкома ВЛКСМ, был секретарем комитета ВЛКСМ и заместителем секретаря партбюро своего цеха. В 1939 году кружок самодеятельности цеха № 3 под его руководством занял первое место в городском смотре самодеятельности. Писал стихи, с 1929 года был членом литературного кружка. Его произведения печатались в «Волжской коммуне», «Волжском комсомольце», журналах и литературных альманахах. В 1934 году его имя было упомянуто на первом краевом съезде писателей Средней Волги. Также занимался в парашютном отряде ОСОАВИАХИМа. В 1940 году женился и вскоре у молодых супругов родилась дочь Людмила.

После начала Великой Отечественной войны добровольцем вступил в ряды РККА, направлен в школу НКВД. По окончании назначен уполномоченным в запасной артиллерийский дивизион Северо-Кавказского военного округа, затем в 1177-й стрелковый полк 347-й стрелковой дивизии 44-й Армии Закавказского и Южного фронтов.

С января 1942 года был уполномоченным СМЕРШа в Донбассе. 2 августа 1942 года при прорыве вражеского окружения под Сальском личным примером поднял бойцов в атаку и под сильным огнем противника вынес с поля боя тяжело раненного командира полка Рыбкина. Участвовал в кровопролитных боях на Дону, попал в окружение, пробивался с одной из групп по Калмыцким степям и вышел из окружения в сентябре 1942 года. За находчивость и отвагу награжден орденами Красного Знамени и Красной Звезды.

19 января 1943 года при освобождении Ставрополя был смертельно ранен в бою с немецкими диверсантами и скончался на руках у местных жителей, пытавшихся оказать ему помощь.

21 января 1943 года город Ставрополь был освобожден от немецких захватчиков. Отряд Булкина истребил почти 150 немецких солдат, подбил танк, бронемашину, 58 автомашин и обеспечил взятие города с малыми потерями. Младший лейтенант госбезопасности Иван Булкин посмертно награжден орденом Красного Знамени.

Мы смерть несем фашистам

Идем вперед, шагая дружно в ногу,
Под градом пуль, под орудийный гром,
По фронтовым, по огненным дорогам.
На смертный бой, победный бой с врагом.
Запомнит мир легендою простою,
Как мы за счастье проливали кровь.
А чрез Аксай мы с боем шли к Ростову
И возвратили Родине Ростов.
Пусть слышат нас взбесившиеся банды —
Из нас никто сейчас неумолим.
Мы смерть несем фашистским оккупантам —
Грядущий мир народам всей земли.

На линию огня

На линию огня мы уезжаем,
Быть воином в этот грозный час!
О, Родина! Сердечно провожая,
Благослови на светлый подвиг нас.
Стучат колеса. Обнимает рельсы
Голубоватый паровозный дым.
О, Родина! Ты нас, как мать, согрела
Заботливым дыханием своим.
В одну семью,
в союз стомиллионный,
Как сыновей своих родных, свела
Пришла война, и всех нас поименно
Ты воинами гордо назвала.
И вот, вручив оружие
сейчас нам,
Ты вновь о нас
заботаешься в борьбе.
О, Родина! Тебе своим мы счастьем,
Всей жизнью мы обязаны тебе.
На линию огня мы уезжаем,
Твои сыны и воины твои.
О, Родина! Сердечно провожая,
Благослови нас именем своим.

Ответное письмо

Ты пишешь мне:

«Придется ли нам снова

Где-либо повстречаться и когда,

Услышим ли из уст друг друга слово,

Что нас с тобой скрепило навсегда?»

Ты пишешь мне:

«Придется ли нам снова

В глаза друг другу радостно смотреть?

Пусть будет все в наш грозный

век суровый,

Но только не мучительная смерть».

Я думаю:

Все может с нами стать

в грозный час

На поле боя навсегда остаться,

Но даже это не разлучит нас.

Пусть будет все —

Свинцовых ос укусы

И боль от них, любимая Элен.

Пусть будет страх,

Но только лишь не трусость,

Пусть будет смерть,

Но только лишь не плен!

Александр Бычков

(1903–1942)

Родился в Перми. Был сотрудником пермских газет «Большевицкая смена» и «Звезда». С начала 1930-х гг. руководил кружками самодеятельности в Ленинграде, заведовал литературной частью Театра строителей. Работал в Казахстане инспектором управления по делам искусств. В начале Великой Отечественной войны вступил в народное ополчение, затем был сотрудником дивизионной газеты «За Советскую Родину!». Умер 4 января 1942 года в блокадном Ленинграде от последствий контузии и истощения. Сборник его стихов «Железо и огонь» издан в Перми в том же году.

Эта строка

Эту строку, как огонь и камень,
Ты ощущаешь своими руками.
Свет ее в сердце твое проники.
Стал он правдой самой беспощадной, как штык!

Строка эта гневом грозы сильней:
В ней твердость и нежность, и ненависть — в ней.
Не на бумаге писалась пером —
В воздухе знойном свистящим клинком.

Огненным почерком в черной ночи
Ее пулемет до рассвета строчил!
Эта строка в орудийном дыме
Беседу с бойцами ведет молодыми.

По выжженным тропам, по тихим лесам
Скликает в отряды друзей-партизан;
На битвы, на подвиг народ поднимает,
Взрывает дороги и танки ломает,

Снарядом, гранатой громит блиндажи,
Бросаясь в атаку, берет рубежи!
В этой строке дорогой, как знамя,
Только три слова: Победа за нами!

Только три слова... Каждое – тема.

Только три слова звучат как поэма!

Островок

Затих прибрежный ветерок,
Волна шуметь устала.
Стоит на море островок,
Каких у нас немало.

Дымком несет издалека,
На шхерах чайки стонут.
Плывут по небу облака
И где-то в море тонут.

Заря приходит на восток.
Вода камня лижет...
И вдруг – на западе дымок,
И вот – все ближе, ближе.

Эсминец вражий тут как тут —
Видны стальные снасти;
На флагах вьются, словно спрут,
Кривые лапы свастик.

Остановился... Отошли
От борта шлюпок стаи,
И островок чужой земли
Пред ними вырастает.

Подплыли ближе, кто как мог,
Но приставать лишь стали —
Их встретил тихий островок
Дождем огня и стали!

Тут горизонт ушел из глаз,
И поднялось такое,
Что тут же двадцать шлюпок враз
На дно пошли морское.

Врагам спасенья нет нигде
От этого «гостинца»!
Не стало видно на воде
И мачты от эсминца.

Затих прибрежный ветерок,
Волна шуметь устала.
Стоит на море островок —
Таких у нас немало!

Дмитрий Вакаров

(1920–1945)

Родился в селе Иза (Подкарпатская Русь) в семье крестьянина-бедняка. В 1938, учась в хуторской гимназии, стал писать революционные стихи. Первый раз был арестован еще в гимназии. В 1941–1944 гг. изучал русскую словесность в Будапештском университете. Участвовал в работе антифашистского подполья, в феврале 1944 был арестован за связь с подпольем. Погиб в концлагере в марте 1945 года.

«Я пришел поклониться народу...»

Я пришел поклониться народу,
Я пришел на борьбу его звать,
Я пришел, чтобы петь о свободе,
За свободу с народом восстать.

И когда все на праздник придут,
Меня вспомнят родные сердца,
И я верю: меня не забудут, —
Мои песни споют до конца.

«Отдает уже гнилью могильною...»

Отдает уже гнилью могильною
Разложившийся каторжный строй...
С жизнью пошлой, горбатой, бессильною
Мы выходим на бой.

Как вода с водопада искристого,
Как над бездной гремящие льды, —
На акул мы нагрянем неистово,
Что других пожирают труды.

Незванный гость

К Москве он отчаянно рвется,
Победа все снится ему.
Забыл он, что Русь не сдается
В боях никогда никому!

Идет он на праздник кровавый,
Позор его ждет впереди.
В России не встретит он славы
Такого не будет, не жди!

В безумном и диком порыве
Скрежещет зубами палач;
Доносятся звуки надрыва —
И стоны, и вопли, и плач.

Забыл он судьбу Бонапарта,
Не знает он русский народ,
И в пьяном кошмарном азарте
Полки он на гибель ведет.

Он встретит героев с «Авроры»,
Героев без страха, без слез.
Ждет гадов на русских просторах
Лишь ненависть, штык и мороз.

Победу в Москве он не встретит
И ключ от кремлевских дверей.
Русь гордо на вызов ответит:
«Бей подлых незваных гостей!»

На битву встают миллионы,
С сугроба идут на сугроб.
Найдут на Руси все тевтоны
И смерть, и могилу, и гроб.

Осень 1941

«В минуты ясного виденья...»

В минуты ясного виденья
Века мелькают предо мной;
Эпохи славы и паденья
Идут, проходят чередой.

В сиянии времен грядущих
Предвижу правды торжество.
Я слышу клич, на бой зовущий
Сынов народа моего.

Оковы рабские исчезнут;
Моя славянская страна
Подарит людям безвозмездно
Любви и братства семена.

Тогда тому, кто пал безвестно
За счастье братьев и сестер,
Воздвигнут памятник чудесный
Среди родных Карпатских гор.

07.12.1941, Будапешт

Чайка

Как чайка, которую ранил стрелок,
О солнце вздыхает, вся кровью залитая,
Так ты, моя Родина, горем убитая,
С надеждой глядишь на багряный восток.
Чудесные горы, долины, леса,
Озера, потоки и реки прекрасные, —
И рядом невежество, бедность ужасная,
И слезы невольно туманят глаза.

Тираны, тираны, конец недалек,
Погибнет, провалится власть ненасытная;
Восстанем на вас мы семьей монолитною,
Дадим вам последний, смертельный урок!..
Рабочий, студент, бокораш¹, селянин,
Как братья восстанем все общею силою,
И сразу над вашей забытой могилою
Родится свободной страны гражданин.

26–29.09.1942, Будапешт

¹ Б о к о р а ш – плотогон

Наш путь

Не помогут нам стоны,
Нас не выручит плач:
Их не знают законы,
Их не слышит палач.

Не помогут молитвы,
О, поверь мне, бедняк!
Ты готовься для битвы,
Крепче стисни кулак!

Без борьбы нет победы,
Нет иного пути —
За отцов и за дедов
Отплати, отомсти!

Без борьбы нет свободы,
Нет иного пути:
За все кривды народа
Отплати, отомсти!

1943

Леонид Вилкомир

(1912–1942)

Родился в Старой Бухаре в семье служащего. С 1926 года жил в Москве. Работал на завод «Борец». Вступил в литературный кружок «Штурм» и в литкружковском сборнике опубликовал свои первые стихи. В 1931 году переехал в Нижний Тагил, где работал сотрудником газеты «Тагильский рабочий», а затем с 1932 года – ответственным секретарем и заместителем редактора многотиражной газеты «Уралвагонстрой», переименованной потом в «Вагоногигант». Вскоре стал известным в городе журналистом. В Тагиле написал большую часть своих стихов, в основном на тему Урала, которому посвятил также многие очерки. В 1934 году поступил учиться в Литературный институт им. А. М. Горького. В 1938 году был призван в армию и получил направление в редакцию газеты «Красная звезда».

С начала Великой Отечественной войны – на фронте. Старший политрук. Корреспондент «Красной звезды». Летал на боевых самолетах, входил в состав танковых экипажей.

19 июля 1942 года под Новочеркасском вылетел на задание в качестве стрелка-радиста штурмовика Ил-2. Самолет был подбит, и летчик, лейтенант Маслов, направил падаю-

щую машину в скопление вражеских танков.

«Мы победим. Мои – слова...»

Мы победим. Мои – слова,
Моя – над миром синева,
Мои – деревья и кусты,
Мои – сомненья и мечты.
Пусть на дыбы встает земля,
Вопит, и злобствует, и гонит —
Меня к своим ногам не склонит
Как в бурю мачты корабля.
Я буду жить, как я хочу:
Свободной птицею взлечу,
Глазам открою высоту,
В ногах травую прорасту,
В пустынях разольюсь водой,
В морях затрепещу звездой,
В горах дорогой пробегу.
Я – человек, я все могу!

1941

Павел (Пинхас) Винтман

(1918–1942)

Родился в Мариуполе в семье служащего. С 1937 года учился в Киевском университете. Опубликовал первые стихи. Участник войн с белофиннами и Великой Отечественной. Командир 9-й роты 737-го стрелкового полка 206-й дивизии. Погиб 21 июля 1942 года в бою под Воронежем. Посмертно принят в члены Союза писателей Украины.

«Война ворвалась в дом, как иногда окно...»

Война ворвалась в дом, как иногда окно
Само собой раскроется со стуком,
Наполнит дом дыханьем и испугом,
Сомнет гардин тугое полотно.
Как ливень на запыленном стекле
Чертит порой подобье светлых молний,
Так дух войны сухой тревогой полнит
Последний день почти что детских лет.

«Вчера был бой, и завтра будет бой...»

Вчера был бой, и завтра будет бой.

(Святая цель оправдывает средства.)

Пусть скомкан мир прозрачно-голубой,

Разбит покой, забыто детство.

И нам осталось – всюду и везде —

Бои, победы, вечный хмель азарта.

Вчера был день, и завтра будет день.

Мы – только ночь между вчера и завтра.

«Дорога торная, дорога фронтовая...»

Дорога торная, дорога фронтовая,
Поникшие сады, горящие стога,
И в злой мороз, и в зное изнывая,
Идти по ней и вечность постигать.
Такая в этом боль, тоска кругом такая
В молчанье деревень и в дымном вкусе рос...
Дорога торная, дорога фронтовая,
Печальная страна обугленных берез.

1941–1942

Мирза (Реваз) Геловани

(1917–1944)

Родился в Грузии в местечке Тионети, в семье служащего. Окончил педагогический техникум, работал в школе. В 1936 семья переехала в Тбилиси. Писать стихи начал в детстве. Печатался в журналах. С 1939 – в Красной Армии. Погиб 19 июля 1944 года при форсировании Западной Двины.

Простите

Меня умчала тряская теплушка,
А вы вдали остались на заре...
Но помню я печальную улыбку
И волосы, как листья в сентябре.

Я обещал, что возвращусь, что с фронта
Меня вернет к вам глаз печальных власть,
Но эти дни осенние, как воры,
Ту клятву собираются украсть.

И если сердце встретит пулю вражью
И упаду вперед я, как бежал,
Уж вы меня простите, да, простите,
Что не пришел и слова не сдержал.

1942

Михаил Гершензон

(1900–1942)

Писатель и переводчик. Учился в Новороссийском университете и Высшем литературно-художественном институте имени В.Я. Брюсова. На фронте служил переводчиком. 8 августа 1942, когда был убит командир, повел батальон в атаку, был смертельно ранен и спустя несколько дней умер в военном госпитале. Автор вольного перевода «Сказок дядюшки Римуса» Джоэля Харриса. Опубликовал повесть «Робин Гуд» по мотивам средневекового английского фольклора.

«Что случилось с небосводом? Никогда...»

Что случилось с небосводом? Никогда
Он не был так вместителен и емок.
От сизого рассвета до потемок
В нем ветер строит башни, города
Из облаков и туч. И синеве просторно,
И радуга цветным ручьем течет,
Оттенкам неба потерялся счет —
Зеленый, матово-жемчужный, черный...
Под этим куполом, как детские бирюльки,
Деревни притулилися по кочкам,
Церквушка машет беленьким платочком,
И озеро лежит в своей кастрюлке.
Леса в полях брели и заблудились,
А он все ширится, огромный небосвод,
Земное все, что дышит и живет,
Вобрать в свой круг и успокоить сиясь.
Но он как раковина — он вбирает шумы;
Сквозь купол прорывается война,
И если здесь земля пощажена,
Ежеминутно слышится угрюмый,
Тяжелый гул, такой, что и поля
Подрагивают, шкурой шевеля, —
Такие ухающие разрывы,

Что и березки, вдруг затрепетав,
Оглядываются, на носки привстав,
И спрашивают: «Все еще мы живы?»

Сентябрь 1941

Захар Городисский

(1923–1943)

Родился в Самаре. Десятилетку окончил с отличием в 1941 году. Стихи начал писать в 1938 году. В армии стал старшим командиром взвода 866-го стрелкового полка, был ранен, контужен. В бою за Прохоровку тяжело ранен в обе ноги и вскоре скончался в госпитале.

Смять врага!

Наш народ велик в борьбе и гнев,
И не раз, гоня своих врагов,
Он вставал от северных кочевий
До приморских южных берегов.

И сейчас, когда войны зарницы
Нас коснулись краем огненным,
Встал народ у западной границы
От Днепра по Бугу до Невы.

Встанем грудью мы за каждый город,
Мы ударим с суши и морей...
Злобный вой фашистской дикой своры
Мы покроем гулом батарей.

Смять врага! Громить и днем, и ночью!
Мы – смелы, и армия – сильна!
Наш ответ решителен и точен:
Горе тем, кто посягнул на нас!

Пусть поймут фашистские громилы —
Мы не отдадим свои поля...
Будет им бесславною могилой
Наша плодородная земля!

**«Здесь все по-прежнему:
смеющиеся лица.....»**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.